

что это был второй удар в его сердца. До смерти оставалось меньше шага. Мысленно он смирился со своей участью и уже перемахнул через ступень из мира времени в вечность, а душа Георгия примирилась с приговором Суда...

Но, опять таки, в последнюю секунду, когда он уже лежал, распластавшись на белой холодной и волглой простыне зимы, серая старая кошка с криком выскользнула из-под него. Её дикий визг возмущения смутил тихого Георгия, и он в отчаянье вскочил на ноги...

Все само собою прояснилось: настала зима. Выпал первый снег в пустыне, который раньше Георгий видел только в кино и во сне. Он пошел уверенною походкою по мягкой белой ровной дорожке. По пути вытащил из сугроба истошно визжащего мокрого котенка и спрятал его под свитер. Прежде, чем перекреститься и открыть замок на двери церкви, оглянулся на Павла. Бронзовое доброе лицо апостола светилось счастливою улыбкою. Георгий осенил себя крестом, с некоей растерянностью перемены голосом причетника сказал:

– Алилуга, алилуга, алилуга, – и тоже возрадовался, и пропел далее: – Слава тебе Боже! Господи помилуй. Господи помилуй. Господи помилуй...

Открыл двери храма и назвал бедуина:

– Скорее выходи, старик, и поспеши домой, к нам зима пришла.

Озябший бедуин, кутаясь в арафатку, морщась от непривычной белизны света, вышел на порог и тоже, надо полагать, оторопел.

– Господи, – вскрикнул постоялец на Павла, – за что нам сие?

– Он не виновен, – ответил весело ему Георгий за бронзового апостола, – всё от Господа, – и повел головою на небо. – Ты поспедай домой, дорогой. Зима к нам пришла незвано. Родные твои, небось, заждались и волнуются... Поторапливайся, пока совсем не утопла в снегах долина...

Поверженный белизною евета, бедуин даже не взглянул на своего благодетеля и не сказал ему ни слова. Потупив долу глаза, он минул ворота ограды и растворился в снегах. Радостный незаемно сторож, придерживая левой рукою край грубой шерсти свитера, из-под которого в полудреме счастливо мурлыкал белый котенок, пошел к Павлу. Правой рукою Георгий разгреб снег на приступках постамента, присел на край, погладил рукою холодную бронзовую порфиру апостола, прижался щекою и снова, как на рассвете, запричитал:

– Павел... Павел..., – и заплакал, но теперь уже с благодарным трепетом.

КРАСНОЕ МОРЕ

...тихо денно и ночью. Заходит солнце, всходит луна. Засыпают и просыпаются люди: маленькие и большенькие. Гудят провода и плачут ракиты.

Кричат пароходы и свистят поезда. – Но вокруг тишина, что, понятно, тревожит напряжение слуха и кое-кто из ретивых выбивается вперед миллиона людей и отчаянно вопит: «Застой жизни... Затхлость природы... (и все такое пр.)», – и часто машет кулаком революции и жаждет множества места над повинными в тишости движения матери. Миллион людей легко кидается за ним и делает продолжительную овацию, поет громкие гимны, стучит каблуками по большакам.

Всему миллиону людей хочется враз новой красивой жизни, хотя он еще и не знает противности прежней и, конечно, не способен чувствовать наперед будущность луча.

Крикливый застрельщик входит в раж. Он вопит нескончаемым потоком, отрываясь в ряды кровью. Миллион людей верит его труду и не видит в порыве восторга, чья на него брызжит кровь. Миллион людей торжествует много и крепко. Миллион людей революционный держит шаг. Миллион людей рвется вперед, но с каждым шагом своим он оказывается все дальше от передовой, но не видит этого, потому как перед ним непрестанно торчит изрыгающий реки крови оратор-передовик.

Река глубится и ширится. Кое-кто из миллиона народа вязнет в ее берегах и топнет. Река прибывает себе, округляется. Миллион народа перестает быть силою. Крикун кричит-рыгается. Земля миллиона народа превращается в остров. Миллион народа мельчает на тысячи, сотни, десятки, единицы...

Крикун кричит правое светлое дело. Река сливается в море. Никто не помнит миллиона народа.

...над Красным морем тихо денно и ночью.